

Время-не-ждет

Автор:

Джек Лондон

Время-не-ждет

Джек Лондон

Эксклюзивная классика (АСТ)

«Время-не-ждет» прозвали лихого Элама Харниша на золотых приисках Аляски. И он действительно привык жить так, будто завтрашнего дня не существует, с жадностью вырывать у судьбы все, что только можно, наслаждаться даже опасностью, словно увлекательной игрой. «Все или ничего», – таков был его девиз в мире Белого безмолвия, таким он и остался в Сан-Франциско. Однако удастся ли ему, привычному к товариществу, честности и грубоватой искренности золотоискателей, выжить в финансовых джунглях, где царят ложь, лицемерие и холодный расчет? Выжить – и не потерять себя?..

Джек Лондон

Время-не-ждет

© Перевод. В. Топер, наследники, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Человек наделен способностью рассуждать, поэтому он смотрит вперед и назад.

Часть первая

Глава первая

Скучно было в тот вечер в салуне Тиволи. У длинной стойки, тянувшейся вдоль бревенчатой стены просторного помещения, сидело всего пять-шесть посетителей; двое из них спорили о том, какое средство вернее предохраняет от цинги: настой хвои или лимонный сок. Спорили они нехотя, лениво цедя слова. Остальные едва слушали их. У противоположной стены выстроился ряд столов для азартных игр. Никто не бросал кости. За карточным столом одинокий игрок сам с собой играл в «фараон». Колесо рулетки даже не вертелось, а хозяин ее стоял возле громко гудящей, докрасна раскаленной печки и разговаривал с черноглазой миловидной женщиной, известной от Джуно до Форт-Юкона под прозвищем Мадонна. За одним из столиков шла вялая партия в покер – играли втроем, по маленькой, и никто не толпился вокруг и не следил за игрой. В соседней комнате, отведенной для танцев, под рояль и скрипку уныло вальсировали три пары.

Приисковый поселок Сёркл не обезлюдел, и денег у его жителей было вволю. Здесь собрались золотоискатели, проработавшие лето на Лосиной реке и других месторождениях к западу от Сёркла; они вернулись с богатой добычей – кожаные мешочки, висевшие у них на поясе, были полны самородков и золотого песка. Месторождения на Клондайке еще не были открыты, и старатели Юкона еще не знали способа глубоких разработок и не умели прогревать промерзлую землю при помощи костров. Поэтому с наступлением морозов все прекращали поиски, уходили на зимовку в такие крупные поселки, как Сёркл, и там пережидали долгую полярную ночь. Делать им было нечего, денег – девать некуда, а развлечений никаких, кроме кабаков и трактиров. Но в тот вечер салун Тиволи почти пустовал, и Мадонна, гревшаяся у печки, зевнула, не прикрывая рта, а потом сказала стоявшему рядом с ней Чарли Бэйтсу:

– Если здесь веселей не станет, я лучше спать пойду. Что случилось? Весь город вымер, что ли?

Бэйтс даже не ответил и молча продолжал скручивать сигарку. Дэн Макдональд, один из первых кабатчиков и держателей игорных домов на Юконе, владелец Тиволи и всех его азартных игр, побродил, как неприкаянный, между столами и опять подошел к печке.

– Кто-нибудь умер? – спросила Мадонна.

– Похоже на то, – ответил хозяин.

– Должно быть, все умерли, – заключила Мадонна и опять зевнула.

Макдональд, усмехаясь, кивнул и уже открыл было рот, чтобы ответить, как вдруг входная дверь распахнулась настежь и на пороге показалась человеческая фигура. Струя морозного воздуха, ворвавшаяся вместе с пришельцем в теплую комнату и мгновенно превратившаяся в пар, за клубилась вокруг его коленей, потом протянулась по полу, все утончаясь, и в трех шагах от печки рассеялась. Вошедший снял веник, висевший на гвозде возле двери, и принялся сметать снег со своих мокасин и длинных шерстяных носков. Роста он был немало, но сейчас казался невысоким по сравнению с огромным канадцем, который подскочил к нему и потряс за руку.

– Здорово, друг! – кричал он. – Рад видеть тебя!

– Здорово, Луи! – ответил новый посетитель. – Давно ли явился? Идем, идем, выпьем. И расскажешь нам, как там, на Костяном ручье. Ну, давай лапу еще раз, черт тебя возьми! А где же твой товарищ? Я что-то его не вижу.

Другой старатель, тоже огромного роста, отделился от стойки и подошел поздороваться. Вторых таких великанов, как Гендерсон и Луи-француз – совладельцы участка на Костяном ручье, – не нашлось бы во всей округе, и хотя они были только на полголовы выше нового гостя, рядом с ними он казался низкорослым.

– Здорово, Олаф, тебя-то мне и нужно, – сказал он. – Завтра мой день рождения, и я хочу положить тебя на обе лопатки. Понял? И тебя, Луи. Я могу всех вас повалить, недаром завтра мой день рождения. Понятно? Идем выпьем, Олаф, я тебе сейчас все объясню.

С приходом нового посетителя по салуну словно живое тепло разлилось.

– Да это Время-не-ждет! – воскликнула Мадонна, первой узнавшая его, когда он вышел на середину комнаты.

Чарли Бэйтс уже не хмурился, а Макдональд поспешил к стойке, где расположились трое приятелей. От одного присутствия нового гостя все сразу повеселели и оживились. Забегали официанты, голоса зазвучали громче, раздался смех. Скрипач, заглянув в открытую дверь, сказал пианисту: «Время-не-ждет пришел», – и тотчас музыка заиграла громче и танцующие пары, словно проснувшись, с увлечением закружились по комнате. Всем было известно, что раз появился Время-не-ждет, скуку как рукой снимет.

Он повернулся спиной к стойке и, оглядев салун, заметил женщину у печки, смотревшую на него с радостным ожиданием.

– Здравствуй, Мадонна, здравствуй, милая! – крикнул он. – Привет, Чарли! Что с вами такое? Чего приуныли? Гроб-то стоит всего три унции! Идите сюда, выпьем. Эй вы, покойнички! Подходите, выбирайте себе отраву по вкусу. Все, все подходите. Сегодня мой день, всю ночь гулять буду. Завтра мне стукнет тридцать лет – значит, прощай молодость! А сегодня погуляю напоследок. Ну как? Принимаете? Тогда вали сюда, вали!

– Постой минутку, Дэвис! – крикнул он игроку в «фараон», который уже встал было из-за стола. – Раскинь карты – посмотрим, кто кого будет угощать: я тебя или ты нас.

Вытащив из кармана тяжелый мешочек с золотым песком, он бросил его на карту.

– Пятьдесят, – объявил он.

Дэвис сдал две карты. Выиграл Время-не-ждет. Дэвис написал сумму на листке бумаги, весовщик за стойкой отвесил на пятьдесят долларов золотого песку и высыпал его в мешочек выигравшего. В соседней комнате звуки вальса умолкли, и все три пары в сопровождении скрипача и пианиста направились к стойке.

– Вали, вали сюда! – приветствовал их Время-не-ждет. – Заказывайте, что кому по душе. Сегодня мой вечер. Пользуйтесь, такое не часто бывает. Ну, подходи, все, сиваши, лососинники. Мой вечер, говорят вам...

– Тоскливый вечер, хоть волком вой, – прервал его Чарли Бэйтс.

– Верно, друг, – весело подхватил Время-не-ждет. – Но это мой вечер, я и есть старый, матерый волк. Вот послушай!

И он завыл глухо, протяжно, как воеет одинокий таежный волк, так что Мадонна вся задрожала и заткнула уши тоненькими пальчиками. Минуту спустя она уже кружилась в его объятиях в соседней комнате вместе с тремя другими парами, а скрипач с пианистом нажаривали забористую виргинскую кадрили. Все быстрее мелькали обутые в мокасины ноги мужчин и женщин, и вскоре всех обуяло бурное веселье. Средоточием его был Время-не-ждет; его разгульное удалство, остроты и шутки рассеяли уныние, царившее в салуне до его прихода.

Казалось, самый воздух стал другим, вобрав в себя его бьющую через край жизненную энергию. Посетители, входя с улицы, сразу чувствовали это, и в ответ на их вопросы официанты кивали на соседнюю комнату и многозначительно говорили: «Время-не-ждет гуляет». И посетители не спешили уходить, располагались надолго, заказывали виски. Игроки тоже пробудились от спячки, и вскоре все столы были заняты; непрерывный перестук фишек и неумолчное жужжание шарика в колесе рулетки сливались с гулом мужских голосов, хриплым смехом и грубой бранью.

Мало кто знал Элама Харниша под другим именем, чем Время-не-ждет; это прозвище ему дали давно, в дни освоения новой страны, потому что этим возгласом он всегда подымал с постели своих товарищей. В арктической пустыне, где все жители были первооткрывателями, он по праву считался одним из старожил. Правда, Эл Мэйо и Джек Мак-Квещен опередили его; но они пришли с востока, с Гудзонова залива, перевалив через Скалистые горы. Он же был первым из тех, кто проник на Аляску через перевалы Чилкут и Чилкат.

Двенадцать лет тому назад, весной 1883 года, восемнадцатилетним юнцом он перевалил через Чилкут с пятью товарищами. Осенью он проделал обратный путь с одним: четверо погибли в неизведанных безлюдных просторах. И все двенадцать лет Элам Харниш искал золото в сумрачном краю у Полярного круга.

Никто не искал с таким упорством и долготерпением, как Харниш. Он вырос вместе со страной. Другой страны он не знал. Цивилизация была для него смутным сновидением, оставшимся позади, в далекой прежней жизни. Приисковые поселки Сороковая Миля и Сёркл казались ему столицами. Он не только рос вместе со страной, – какова бы она ни была, он помог ее созиданию. Он создавал ее историю, ее географию; и те, кто пришел после него, описывали его переходы и наносили на карту проложенные им тропы.

Герои обычно не склонны превозносить геройство, но даже отважные пионеры этой молодой страны, несмотря на юный возраст Элама Харниша, признавали за ним право старшинства. Никто из них не ступал на эту землю до него; никто не совершал таких подвигов; никто, даже самые выносливые, не мог тягаться с ним в выдержке и стойкости. А сверх того он слыл человеком храбрым, прямодушным и честным.

Повсюду, где легко рискуют жизнью, словно это всего-навсего ставка игрока, люди в поисках развлечений и отдыха неизбежно обращаются к азартным играм. Золотоискатели Юкона ставили на карту свою жизнь ради золота, а добыв его, проигрывали друг другу. Так же поступал и Элам Харниш. Он по натуре был игрок, и жизнь представлялась ему увлекательнейшей игрой. Среда, в которой он вырос, определила характер этой игры. Он родился в штате Айова, в семье фермера, вскоре переселившегося в Восточный Орегон, и там, на золотом прииске, Элам провел свое отрочество. Он рано узнал, что такое риск и крупные ставки. В этой игре отвага и выдержка увеличивали шансы, но карты сдавал всемогущий Случай. Честный труд, верный, хоть и скудный заработок в счет не шли. Игра велась крупная. Настоящий мужчина рисковал всем ради всего, и если ему доставалось не все, – считалось, что он в проигрыше. Элам Харниш оставался в проигрыше целых двенадцать лет, проведенных на Юконе. Правда, прошлым летом на Лосиной реке он добыл золота на двадцать тысяч долларов, и столько же золота еще скрывалось под землей на его участке. Но, как он сам говорил, этим он только вернул свою ставку. В течение двенадцати лет он втемную ставил на карту свою жизнь – ставка немалая! А что получил обратно? На сорок тысяч только и можно, что выпить и поплясать в Тиволи, проболтаться зиму в Сёркле да запастись продовольствием и снаряжением на будущий год.

Старатели на Юконе переиначили старую поговорку, и вместо: «Легка пожива – была, да сплыла» – у них она гласила: «Трудна пожива – была, да сплыла». Когда виргинская кадрили кончилась, Элам Харниш опять угостил всех вином. стакан виски стоил доллар, за унцию золота давали шестнадцать долларов; на приглашение Харниша откликнулось тридцать человек, и в каждом перерыве между танцами он угощал их. Это был его вечер, и никому не позволялось пить за свой счет. Сам Элам Харниш не питал пристрастия к спиртному, на виски его не тянуло. Слишком много сил и энергии отпустила ему природа, слишком здоров он был душой и телом, чтобы стать рабом пагубной привычки к пьянству. Зимой и летом, на снежной тропе или в лодке, он месяцами не пил ничего крепче кофе, а однажды целый год и кофе не видел. Но он любил людей, а на Юконе общаться с ними можно было только в салунах, поэтому и он заходил туда выпить. На приисках Запада, где он вырос, все старатели так делали. Он считал это естественным. Как иначе можно встречаться с людьми, он просто не знал.

Внешность Элама Харниша была приметная, хотя наряд его мало чем отличался от одежды других завсегдатаев Тиволи: мокасины из дубленой лосиной кожи с индейской вышивкой бисером, обыкновенный рабочий комбинезон, а поверх него – куртка, сшитая из одеяла, длинные кожаные рукавицы, подбитые мехом, болтались у него на боку, – по юконскому обычаю, они висели на ремешке, надетом на шею; меховая шапка с поднятыми, но не завязанными наушниками. Лицо худое, удлинённое; слегка выступающие скулы, смуглая кожа и острые темные глаза придавали ему сходство с индейцем, хотя по оттенку загара и разрезу глаз сразу можно было признать в нем белого. Он казался одновременно и старше и моложе своих лет: по гладко выбритому, без единой морщинки лицу ему нельзя было дать тридцати лет, и вместе с тем что-то неуловимое в нем выдавало зрелого мужчину. Это были незримые следы тех испытаний, через которые он прошел и которые мало кому оказались бы под силу. Он жил жизнью первобытной и напряженной, – и об этом говорили его глаза, в которых словно тлел скрытый огонь, это слышалось в звуке его голоса, об этом, казалось, непрерывно шептали его губы.

А губы у него были тонкие и почти всегда крепко сжатые; зубы – ровные и белые; приподнятые уголки губ, смягчая жесткую линию рта, свидетельствовали о природной доброте, а в крохотных складочках вокруг глаз таился веселый смех. Эти спасительные свойства умеряли необузданный нрав Элама Харниша, – без них он легко мог стать существом жестоким и злобным. Точеный нос с тонкими ноздрями был правильной формы; лоб узкий, но высокий и выпуклый, красиво очерченный; волосы тоже напоминали волосы индейца – очень прямые,

очень черные и такие блестящие, какие бывают только у здоровых людей.

– Время-не-ждет времени не теряет, – усмехаясь, сказал Дэн Макдональд, прислушиваясь к хохоту и громким крикам, доносившимся из соседней комнаты.

– Погулять он умеет! Правда, Луи? – отозвался Олаф Гендерсон.

– И еще как! – подхватил Луи-француз. – Этот парень – чистое золото!

– Когда Господь Бог в день великой промывки призовет его душу, – продолжал Макдональд, – вот увидите, он самого Господа Бога заставит кидать землю в желоба.

– Вот это здорово! – проговорил Олаф Гендерсон, с искренним восхищением глядя на Макдональда.

– Очень даже, – подтвердил Луи-француз. – Выпьем, что ли, по этому случаю?

Глава вторая

К двум часам ночи все проголодались, и танцы решили прервать на полчаса. И тут-то Джек Кернс, высокий, плотный мужчина с грубыми чертами лица, предложил сыграть в покер. После того как Джек вместе с Беттлзом предпринял неудачную попытку обосноваться далеко за Полярным кругом, в верховьях реки Койокук, он вернулся к своим факториям на Сороковой и Шестидесятой Миле и пустился в новое предприятие – выписал из Соединенных Штатов небольшую лесопилку и речной пароход. Лесопилка была уже в пути: погонщики-индейцы везли ее на собаках через Чилкутский перевал; в начале лета, после ледохода, ее доставят по Юкону в Сёркл. А в середине лета, когда Берингово море и устье Юкона очистятся от льда, пароход, собранный в Сент-Майкле, двинется вверх по реке с полным грузом продовольствия.

Итак, Джек Кернс предложил сразиться в покер. Луи-француз, Дэн Макдональд и Хэл Кэмбл (которому сильно повезло на Лосиной реке), за нехваткой дам не танцевавшие, охотно согласились. Стали искать пятого партнера; как раз в это

время из задней комнаты появился Элам Харниш под руку с Мадонной, а за ними, пара за парой, шли остальные танцоры. Игроки окликнули его, и он подошел к карточному столу.

– Садись с нами, – сказал Кэмбл. – Тебе сегодня как – везет?

– Малость везет! – весело ответил Харниш. Но Мадонна украдкой сжала его локоть: ей хотелось еще потанцевать с ним. – А все-таки я лучше потанцую. Не хочется мне вас грабить.

Никто не стал настаивать, считая его отказ окончательным. Мадонна потянула его за руку, спеша присоединиться к компании ужинающих гостей, но Время-не-ждет вдруг передумал. У него не пропала охота танцевать, и обидеть свою даму он тоже не хотел, но его свободолюбие восстало против настойчивости, с какой она тянула его за собой. Он давно уже твердо решил, что ни одна женщина не будет командовать им. Хотя он и пользовался большим успехом у женщин, сам он не слишком увлекался ими. Для него они были просто забавой, развлечением, отдыхом от большой игры, от настоящей жизни. Он не делал разницы между женщинами и выпивкой или игрой в карты и видел немало примеров тому, что куда легче отвыкнуть от виски и покера, нежели выпутаться из сетей, расставленных женщиной.

Харниш всегда подчинялся самому себе, и это было естественно для человека со столь здоровыми инстинктами; но при малейшей опасности оказаться в подчинении у кого-нибудь другого он либо давал сокрушительный отпор, либо обращался в бегство. Сладостные цепи, налагаемые любовью, не прельщали его. Ему случалось видеть влюбленных мужчин, – он считал их помешанными, а душевные болезни нисколько не интересовали его. Но мужская дружба – это совсем не то, что любовь между мужчиной и женщиной. В дружбе с товарищем нет рабского подчинения. Это деловой уговор, честная сделка между людьми, которые не пытаются взять верх друг над другом, но плечо к плечу преодолевают и снежную тропу, и реки, и горы, рискуя жизнью в погоне за богатством. А мужчина и женщина гоняются друг за другом, и либо он, либо она непременно возьмет верх. Иное дело – дружба между двумя товарищами: тут нет места рабству. И хотя Харниш, обладавший богатырской силой, всегда давал больше, чем получал взамен, он давал не по принуждению, а добровольно, с царской щедростью расточая и труды свои и сверхчеловеческие усилия. Вместе идти день за днем по горным ущельям, борясь со встречным ветром, или пробираться по тундре, отбиваясь от налетающих тучами комаров, нести

поклажу вдвое тяжелей, чем поклажа товарища, – в этом нет ни неравенства, ни подчинения. Каждый отдает все свои силы. Это – главное условие честной сделки между товарищами. Конечно, бывает, что у одного больше сил, а у другого меньше; но если и тот и другой делают все, что могут, – значит, уговор не нарушен, главное условие соблюдено, справедливое соглашение действует к взаимной выгоде.

А с женщинами не то! Женщины поступаются малым, а требуют всего. Только глянь на них лишний раз, и опутают тебя, привяжут к своей юбке. Вот Мадонна: зевала во весь рот, когда он пришел, а как только позвал танцевать – вся загорелась. Почему не потанцевать с ней; но он не один раз, а много раз приглашал ее, – и вот уж она сжимает его локоть, когда ему предлагают сыграть в покер, она уже предъявляет права на него; и если он уступит, конца этому не будет. Ничего не скажешь, женщина она славная – цветущая, хороша собой и танцует отлично; но только есть в ней это чисто женское желание заарканить его и связать по рукам и ногам, чтобы выжечь на нем тавро. Нет, уж лучше покер! К тому же Харниш любил покер ничуть не меньше, чем танцы.

Он не двинулся с места, сколько Мадонна ни тянула его за руку, и сказал:

– Пожалуй, я не прочь малость встряхнуть вас.

Она опять, еще более настойчиво, сжала его локоть.

Вот они – путы, она уже пытается затянуть узелок. На какую-то долю секунды в Харнише проснулся дикарь: он весь был во власти смертельного страха и жажды крови; в одно мгновение он превратился в тигра, который, чую капкан, себя не помнит от испуга и ярости. Будь он в самом деле дикарь, он опрометью бросился бы вон или кинулся на женщину и растерзал ее. Но к нему тотчас же вернулась выдержка, накопленная поколениями, та способность обуздывать себя, благодаря которой человек стал животным общественным, – правда, несовершенно. Он подавил поднывающую в нем злобу и сказал, ласково глядя Мадонне в глаза:

– Ты пойдешь поужинай. Я не голоден. А потом мы еще потанцуем. До утра далеко. Ступай, милая.

Он высвободил свою руку, дружески потрепал Мадонну по плечу и повернулся к игрокам:

– Если без лимита, я сяду с вами.

– Лимит большой, – сказал Джек Кернс.

– Никаких лимитов.

Игроки переглянулись, потом Кернс объявил:

– Ладно, без лимита.

Элам Харниш уселся на свободный стул и начал было вытаскивать мешочек с золотом, но передумал. Мадонна постояла немного, обиженно надув губы, потом присоединилась к ужинающим танцорам.

– Я принесу тебе сандвич! – крикнула она Харнишу через плечо.

Он кивнул. Улыбка ее говорила о том, что она больше не сердится. Итак, он избежал опасности и вместе с тем не нанес слишком горькой обиды.

– Давайте на марки, – предложил он. – А то фишки весь стол занимают. Согласны?

– Я согласен, – ответил Хэл Кэмбл. – Мои марки пойдут по пятьсот.

– И мои, – сказал Харниш.

Остальные тоже назвали стоимость марок; самым скромным оказался Луи-француз: он пустил свои по сто долларов.

В те времена на Аляске не водилось ни мошенников, ни шулеров. Игра велась честно, и люди доверяли друг другу. Слово было все равно что золото. Плоские продолговатые марки, на которые они играли, делались из латуни и стоили не дороже цента за штуку. Но когда игрок ставил такую марку и объявлял, что

стоимость ее равна пятистам долларам, это ни в ком не вызывало сомнений. Выигравший знал, что каждый из партнеров оплатит свои марки тут же на месте, отвесив золотого песку на ту сумму, которую сам назначил. Марки изготавливались разных цветов, и определить владельца было нетрудно. Выкладывать же золото на стол – такая мысль и в голову не приходила первым юконским старателям. Каждый отвечал за свою ставку всем своим достоянием, где бы оно ни хранилось и в чем бы ни заключалось.

Харниш срезал колоду – сдавать выпало ему. Это была хорошая примета, и, тасуя карты, он крикнул официантам, чтобы всех поили за его счет. Потом он сдал карты, начав с Дэна Макдональда, своего соседа слева, весело покрикивая на своих партнеров:

– А ну, поехали! Эй вы, лохматые, хвостатые, лопоухие! Натягивайте построжки! Налегайте на упряжь, да так, чтобы шлея лопнула. Но-о, но-о! Поехали к нашей красоте! И уж будьте покойны, порастрясет нас дорогой, пока мы доберемся к ней! А кое-кто и отобьет себе одно место, да еще как!

Сперва игра шла тихо и мирно, партнеры почти не разговаривали между собой; зато вокруг них стоял содом, – виновником этого был Элам Харниш. Все больше и больше старателей, заглянув в салун, застревают на весь вечер. Когда Время-неждет устраивал кутеж, никому не хотелось оставаться в стороне. Помещение для танцев было переполнено. Женщин не хватало, поэтому кое-кто из мужчин, обвязав руку повыше локтя носовым платком, – чтобы не вышло ошибки, – танцевал за даму. Вокруг всех игорных столов толпились игроки, стучали фишки, то пронзительно, то глухо жужжал шарик рулетки, громко переговаривались мужчины, выпивая у стойки или греясь возле печки. Словом, все было как полагается в разгульную ночь на Юконе.

Игра в покер тянулась вяло, с переменным счастьем, большой карты никому не выпадало. Поэтому ставили много и на мелкую карту, но торговались недолго. Луи-француз взял пять тысяч на свой флеш против троек Кэмбла и Кернса. одному из партнеров достался котел в восемьсот долларов, а было у него всего две фоски. Кернс, блефуя, поставил две тысячи. Не сморгнув, Харниш ответил. Когда открыли карты, у Кернса оказался неполный флеш, а Харниш с торжеством предъявил две десятки.

Но вот наконец в три часа ночи игрокам пошла карта. Настал вождеденный миг, которого неделями ждут любители покера. Весть об этом молнией разнеслась по

Тиволи. Зрители затаили дыхание. Говор у стойки и вокруг печки умолк. И все стали подвигаться к карточному столу. Игроки за другими столами поднялись со своих мест и тоже подошли. Соседняя комната опустела, и вскоре человек сто с лишним в глубоком молчании тесно обступили покеристов. Торговаться начали втемную, – ставки росли и росли, а о прикупе никто еще и не думал. Карты сдал Кернс. Луи-француз поставил свою марку в сто долларов. Кэмбл только ответил, но следующий партнер – Элам Харниш – бросил в котел пятьсот долларов, заметив Макдональду, что надо бы больше, да уж ладно, пусть входит в игру по дешевке.

Макдональд еще раз заглянул в свои карты и выложил тысячу. Кернс после длительного раздумья ответил. Луи-француз тоже долго колебался, но все-таки решил не выходить из игры и добавил девятьсот долларов. Столько же нужно было выложить и Кэмблу, чтобы не выйти из игры, но, к удивлению партнеров, он этим не ограничился, а поставил еще тысячу.

– Ну, наконец-то дело в гору пошло, – сказал Харниш, ставя тысячу пятьсот долларов и, в свою очередь, добавляя тысячу, – красотка ждет нас за первым перевалом. Смотрите, не лопнули бы постромки!

– Уж я-то не отстану, – ответил Макдональд и положил в котел на две тысячи своих марок да сверх того добавил тысячу.

Теперь партнеры уже не сомневались, что у всех большая карта на руках. Хотя лица их не выдавали волнения, каждый внутренне подобрался. Все старались держаться естественно, непринужденно, но каждый делал это по-своему: Хэл Кэмбл подчеркивал присущую ему осторожность; Луи-француз выказывал живейший интерес к игре; Макдональд по-прежнему добродушно улыбался всем, хотя улыбка казалась чуть натянутой; Кернс был невозмутимо хладнокровен, а Элам Харниш, как всегда, весело смеялся и шутил. Посредине карточного стола беспорядочной грудой лежали марки – в котле уже было одиннадцать тысяч.

– У меня все марки вышли, – пожаловался Кернс. – Давайте на запись.

– Очень рад, что ты не сдаешься, – одобрительно заметил Макдональд.

– Погоди, я еще не решил. Тысячу я уже проставил. А теперь как?

– Теперь либо бросай карты, либо ставь три тысячи. А можешь и выше поднять, пожалуйста!

– Нет уж, спасибо! Это у тебя, может, четыре туза на руках, а у меня слабовато. – Кернс еще раз заглянул в свои карты. – Вот что я тебе скажу, Мак: я все-таки попытаю счастья – выложу три тысячи.

Он пометил сумму на клочке бумаги, подписался и положил бумажку на середину стола.

Слово было за Луи-французом. Все взоры обратились на него.

С минуту он дрожащими пальцами перебирал свои карты, потом произнес:

– Чует мое сердце, что ничего не выйдет. Черт с ним! – И со вздохом отбросил карты в сторону.

Тогда глаза всех присутствующих – свыше сотни пар – впились в Кэмбла.

– Ну, Джек, жалко мне тебя, я только отвечу, – сказал Кэмбл и выложил две тысячи, но ставки не перекрыл.

Теперь все взгляды устремились на Харниша; он нацарапал что-то на бумажке и пододвинул ее к котлу.

– Имейте в виду, – сказал он. – Здесь не воскресная школа и не благотворительное общество. Я отвечаю и добавляю еще тысячу. Слово за тобой, Мак. Как там твои четыре туза?

– За мной дело не станет, – ответил Макдональд. – Вот вам тысяча и ставлю еще одну. Ну, а ты, Джек? Надеешься на свое счастье?

– Очень даже надеюсь. – Кернс долго перебирал и разглядывал свои карты. – Из игры я не выйду. Но я хочу, чтобы вы знали: у меня имеется пароход «Белла», он стоит полных двадцать тысяч, ни на унцию меньше. В моей лавке на Шестидесятой Миле лежит товару на пять тысяч. И вам известно, что скоро

доставят мою лесопилку. Она сейчас на озере Линдерман, и для нее уже вяжут плот. Ну как? В долг поверите?

– Поверим, – ответил Харниш. – Валяй ставь! Кстати, уж и я скажу: двадцать тысяч лежат здесь, у Мака в сейфе, и двадцать тысяч у меня под землей на Лосиной реке. Ты, Кэмбл, мой участок знаешь. Есть там на двадцать тысяч?

– Есть.

– Сколько надо ставить? – спросил Кернс.

– Две тысячи.

– Смотри, Джек, не зарывайся, этим дело не кончится, – предостерег его Харниш.

– Я в свое счастье верю. Так вот и вижу, как оно мне улыбается, – сказал Кернс и положил новую расписку на две тысячи поверх кучки бумажек.

– Счастья я никакого не вижу, зато вижу, что у меня неплохая карта, – заявил Кэмбл, пододвигая свою расписку, – но перекрывать не хочу.

– А я хочу, – сказал Харниш, принимаясь писать. – Отвечаю тысячу и поднимаю на тысячу.

Тут Мадонна, которая стояла за стулом Элама Харниша, сделала то, на что не решился бы даже лучший друг игрока в покер. Протянув руку через его плечо, она подняла со стола лежавшие перед ним пять карт и заглянула в них, почти вплотную прижимая их к его груди. Она увидела, что у него три дамы и две восьмерки, но ни одна душа не могла бы догадаться, большая ли у него карта. Глаза всех партнеров так и сверлили ее, однако она ничем себя не выдала. Лицо Мадонны, словно высеченное из льда, было невозмутимо и выражало одно лишь равнодушие. Даже бровь у нее не шевельнулась, не дрогнули ноздри, не блеснули глаза. Она опять положила карты на стол рубашкой вверх, и взоры игроков нехотя отвернулись от ее лица, не прочтя на нем ничего.

Макдональд приветливо улыбнулся.

– Отвечаю тебе, Время-не-ждет, и перекрываю двумя тысячами. Как твое счастье, Джек?

– Все улыбается, Мак. Да так, что просто устоять не могу. Вот три тысячи. Чует мое сердце, что выиграю. И знаешь, что еще мое сердце чует? Время-не-ждет тоже ответит.

– Можешь не сомневаться, – подтвердил Харниш, после того как Кэмбл бросил свои карты. – Элам Харниш знает, что и когда ему нужно делать. Отвечаю две тысячи. А теперь будем прикупать.

Прикуп состоялся в гробовой тишине, прерываемой только тихими голосами играющих. В котле набралось уже тридцать четыре тысячи, а до конца игры еще было далеко. Мадонна чуть не вскрикнула, когда Харниш отбросил восьмерки и, оставив себе только трех дам, прикупил две карты. И на этот раз даже она не посмела заглянуть в его прикуп. Она знала, что и ее выдержке есть предел. Харниш тоже не поднял карты со стола.

– Тебе? – спросил Кернс Макдональда.

– С меня хватит, – последовал ответ.

– А ты подумай, может, все-таки дать карточку?

– Спасибо, не нуждаюсь.

Сам Кернс взял себе две карты, но не стал смотреть их. Карты Харниша тоже по-прежнему лежали на столе рубашкой вверх.

– Никогда не надо лезть вперед, когда у партнера готовая карта на руках, – медленно проговорил он, глядя на Макдональда. – Я – пас. За тобой слово, Мак.

Макдональд тщательно пересчитал свои карты, чтобы лишний раз удостовериться, что их пять, записал сумму на клочке бумаги, положил его в котел и сказал:

– Пять тысяч.

Кернс под огнем сотни глаз посмотрел свой прикуп, пересчитал три остальные карты, убедился, что всех карт у него пять, и взялся за карандаш.

– Отвечаю, Мак, – сказал он, – и набавлю только тыщонку, не то Время-не-ждет испугается.

Все взоры опять обратились на Харниша. Он тоже посмотрел прикуп и пересчитал карты.

– Отвечаю шесть тысяч и набавляю пять. Может, теперь ты, Джек, испугаешься?

– А я набавлю еще пять тысяч, хочу помочь тебе пугнуть Джека, – сказал Макдональд.

Голос его звучал хриловато и напряженно, а уголок рта слегка дергался.

Кернс был бледен, и рука, в которой он сжимал карандаш, заметно дрожала. Но голос его не изменился.

– Набавляю пять тысяч, – сказал он.

Теперь центром внимания был Харниш. Выступивший у него на лбу пот поблескивал в свете керосиновых ламп. Смуглые щеки покрылись темным румянцем, черные глаза горели, ноздри раздувались – широкие ноздри, унаследованные от диких предков, которые выжили благодаря богатырской грудной клетке и могучим легким. Но голос у него не срывался, как у Макдональда, и рука, взявшаяся за карандаш, не дрожала, как у Кернса.

– Отвечаю десять тысяч, – сказал он. – Тебя я не боюсь, Мак. А вот счастье Джека меня беспокоит.

– Я все-таки наддам пять тысяч, – сказал Макдональд. – До прикупа я был сильнее всех, и сдается мне, и сейчас моя карта не будет бита.

– Бывает так, что счастье после прикупа вернее, чем до прикупа, – заметил Кернс. – Так и шепчет мне: «Наддай, Джек, наддай!» Придется поставить еще

пять тысяч.

Харниш откинулся на спинку стула, поднял глаза к потолку и стал подсчитывать вслух:

- До прикупа я проставил девять тысяч, потом отвечал, потом набавлял... одиннадцать тысяч... потом еще... итого - тридцать тысяч. У меня остается еще десять тысяч. - Он выпрямился и посмотрел на Кернса. - Вот десять тысяч я и отвечаю.

- Можешь набавить, - ответил Кернс. - Твои собаки пяти тысяч стоят.

- Ну, уж нет! Вы можете забрать весь мой песок и все, что есть в моей земле, но собак моих вам не видать. Я только отвечаю.

Макдональд долго раздумывал. Никто не шевелился, никто не говорил даже шепотом. Ни один мускул не дрогнул на лицах зрителей. Никто даже не переступил с ноги на ногу. Все замерли в благоговейном молчании. Слышался только рев пламени в огромной печке, да из-за бревенчатой стены доносился приглушенный вой собак. Не каждый вечер на Юконе шла крупная игра, а такой игры еще не бывало за всю историю этого края. Наконец Макдональд заговорил:

- Если я проиграю, я могу только взять закладную под Тиволи.

Оба партнера кивнули в знак согласия.

- Тогда я тоже отвечаю.

Макдональд положил на стол расписку на пять тысяч.

Ни один из игроков не потянулся за котлом, ни один не объявил своей карты. Все трое одновременно молча положили карты на стол; зрители бесшумно обступили их еще теснее, вытягивая шеи, чтобы лучше видеть. Харниш открыл четырех дам и туза; Макдональд - четырех валетов и туза; Кернс - четырех королей и тройку. Он наклонился вперед и, весь дрожа, обеими руками сгреб котел и потащил его к себе.

Харниш выхватил своего туза и бросил его через стол на туза Макдональда.

– Вот из-за чего я лез, Мак. Я знал, что только короли могут побить мою карту. Так оно и вышло. – Потом он повернулся к Кэмблу. – А у тебя что было? – спросил он с искренним интересом.

– Неполный флеш, с обеих сторон открытый. Хорошая карта для прикупа.

– Еще бы! Мог быть флеш или даже ройял-флеш.

– Вот в том-то и дело, – с грустью сказал Кэмбл. – Потому я и проставил шесть тысяч.

– Вся беда в том, что только трое прикупали, – засмеялся Харниш. – А то я не подхватил бы четвертой крали. Ну теперь мне придется идти в погонщики к Билли Роулинсу и везти почту в Дайю. А сколько ты сорвал, Джек?

Кернс стал было подсчитывать выигрыш, но от волнения ничего не мог сообразить. Харниш потянул к себе грудку марок и расписок, спокойно рассортировал их и быстро подсчитал итог.

– Сто двадцать семь тысяч, – объявил он. – Теперь, Джек, ты можешь все распродать и ехать домой.

Счастливый игрок, улыбаясь, кивнул головой, но не мог выговорить ни слова.

– Я поставил бы выпивку, – сказал Макдональд, – но только я здесь уже не хозяин.

– Неправда, – хрипло ответил Кернс, предварительно облизнув губы. – Отдашь долг, когда захочешь. Но выпивку поставлю я.

– Эй, налетайте, заказывайте, кому что, – победитель платит! – крикнул Элам Харниш, расталкивая толпу зрителей, и схватил Мадонну за руку. – Пошли танцевать! До утра еще далеко, а завтра мне катить в Дайю. Слушай, Роулинс, я согласен доставить почту, выезжаю в девять утра к Соленой Воде, ладно? Ну, идем, идем. Куда же это скрипач девался?

Глава третья

Это была ночь Элама Харниша. Он был душой кутежа, и буйное веселье било из него ключом и заражало всех. Он превзошел самого себя, и никто не хотел отстать от него. Что бы он ни придумал, все с увлечением подхватывали его затею, кроме тех, кто уже ничего не понимал и, горланя какую-то бессмыслицу, валялся под стол. Но драк и пьяных скандалов не было. На Юконе хорошо знали, что, когда кутит Время-не-ждет, допускается только мирное веселье. Ссоры в такие дни запрещались. Раньше бывали стычки между подгулявшими гостями, но они на своей шкуре убедились, что такое истинный гнев, ибо Харниш укрощал скандалистов, как он один умел это делать. Он требовал, чтобы все смеялись и плясали, а кто не хочет – пусть отправляется домой.

Сам он был неутомим. Между двумя турами вальса он уплатил Кернсу двадцать тысяч золотым песком и передал ему свою заявку на Лосиной реке. Кроме того, он условился с Билли Роулинсом о доставке почты и сделал все необходимые приготовления. Он послал гонца разыскивать Кама – погонщика-индейца из племени Танана, который покинул далекое кочевье своих родичей ради службы белым пришельцам. Кама, высокий, худощавый, мускулистый, одетый в звериные шкуры, вошел в Тиволи со спокойным достоинством истого дикаря; не обращая внимания на шумевших вокруг него гуляк, он молча выслушал распоряжения Харниша.

– У-ум, – произнес Кама, когда тот кончил, и стал по пальцам перечислять полученные поручения. – Взять письма у Роулинса. Погрузить на нарты. Продовольствие до Селкерка. А в Селкерке много корму для собак?

– Много, Кама.

– У-ум. Привести сюда нарты к девяти. Захватить лыжи. Палатку не надо. А может, взять полог? Маленький?

– Не надо, – решительно заявил Харниш.

– Холодно будет.

– Мы пойдем налегке, понятно? И так уж будет много писем туда и много писем обратно. Ты сильный. Ничего, что холодно, что далеко.

– Ничего так ничего, – со вздохом пробормотал Кама. – Пусть холодно, все равно. Приду в девять.

Он повернулся и вышел, бесшумно ступая обутыми в мокасины ногами, невозмутимый, непроницаемый, не глядя по сторонам и ни с кем не прощаясь, – так же, как он вошел, не здороваясь и не встреченный приветствиями. Мадонна увела Харниша в уголок.

– Послушай, Время-не-ждет, – сказала она вполголоса, – ты продулся?

– В пух и прах.

– У меня восемь тысяч в сейфе Макдональда... – начала она.

Но Харниш не дал ей договорить. Почувяв опасность, он шарахнулся, как необъезженный жеребец.

– Пустяки, – сказал он. – Нищим пришел я в этот мир, нищим и уйду, и, можно сказать, с самого прихода не вылезал из нищеты. Идем вальс танцевать.

– Но ты послушай, – настаивала она. – Мои деньги зря лежат. Я одолжу их тебе... Ну, ссуду дам и в долю войду, – торопливо добавила она, заметив его настороженный взгляд.

– Я ни у кого ссуды не беру, – ответил он. – Я сам себя ссужаю, и, когда повезет, все мое. Спасибо тебе, дорогая. Премного благодарен. Вот свезу почту, и опять деньги будут.

– Элам... – прошептала она с нежным упреком.

Но он с умело разыгранной беспечностью проворно увлек ее в комнату для танцев, и они закружились в вальсе, а Мадонна думала о том, что хоть он и держит ее в объятиях, но сердце у него из железа и не поддается ни на какие ее

уловки.

В шесть часов утра, пропьянствовав всю ночь, Харниш как ни в чем не бывало стоял у стойки и состязался в силе со всеми мужчинами подряд. Делалось это так: два противника становились лицом друг к другу по обе стороны угла, упершись правым локтем в стойку и переплетя пальцы правой руки; задача заключалась в том, чтобы прижать руку противника к стойке. Один за другим выходили мужчины против Харниша, но ни разу никому не удалось побить его; осрамились даже такие великаны, как Олаф Гендерсон и Луи-француз. Когда же они заявили, что Харниш берет не силой, а каким-то ему одному известным приемом, он вызвал их на новое соревнование.

– Эй, слушайте! – объявил он. – Вот что я сделаю: во-первых, я сейчас взвешу мой мешочек, а потом побьюсь об заклад на всю сумму, что после того, как вы подымете столько мешков с мукой, сколько осилите, я подкину еще два мешка и подыму всю махину.

– А ну, давай! – крикнул Луи-француз под одобрителный гул толпы.

– Стой! – закричал Олаф Гендерсон. – А я что же? Половина ставки моя!

В мешочке Харниша оказалось песку ровно на четыреста долларов, и он заключил пари на эту сумму с Олафом и Луи-французом. Со склада салуна принесли пятидесятифунтовые мешки с мукой. Сначала другие попробовали свои силы. Они становились на два стула, а мешки, связанные веревкой, лежали под ними на полу. Многим удавалось таким образом поднять четыреста или пятьсот фунтов, а кое-кто дотянул даже до шестисот. Потом оба великана выжали по семьсот фунтов. Луи-француз прибавил еще мешок и осилил семьсот пятьдесят фунтов. Олаф не отстал от него, но восемьсот ни тот, ни другой не могли выжать. Снова и снова брались они за веревку, пот лил с них ручьем, все кости трещали от усилий, – но хотя им и удавалось сдвинуть груз с места, все попытки оторвать его от пола были тщетны.

– Помяни мое слово, – сказал Харнишу Луи-француз, выпрямляясь и слезая со стульев. – На этот раз ты влип. Только человек из железа может это осилить. Еще сто фунтов накинешь? И десяти не накинешь, приятель.

Мешки развязали, притащили еще два; но тут вмешался Кернс:

– Не два, а один.

– Два! – крикнул кто-то. – Уговор был – два.

– Они ведь не выжали восемьсот фунтов, а только семьсот пятьдесят, – возразил Кернс.

Но Харниш, величественно махнув рукой, положил конец спорам:

– Чего вы всполошились? Эка важность – мешком больше, мешком меньше. Не выжму – так не выжму. Увязывайте.

Он влез на стулья, присел на корточки, потом медленно наклонился и взялся за веревку. Слегка изменив положение ног, он напряг мышцы, потянул мешки, снова отпустил, ища полного равновесия и наилучших точек опоры для своего тела.

Луи-француз, насмешливо глядя на его приготовления, крикнул:

– Жми, Время-не-ждет! Жми, как дьявол!

Харниш начал не спеша напрягать мускулы – на этот раз уже не примеряясь, а готовый к жиму, – пока не собрал все силы своего великолепно развитого тела; и вот едва заметно огромная груда мешков весом в девятьсот фунтов медленно и плавно отделилась от пола и закачалась, как маятник, между его ногами.

Олаф Гендерсон шумно выдохнул воздух. Мадонна, невольно до боли напрягшая мышцы, глубоко перевела дыхание. Луи-француз сказал смиренно и почтительно:

– Bravo! Я просто младенец перед тобой. Ты настоящий мужчина.

Харниш бросил мешки, спрыгнул на пол и шагнул к стойке.

– Отвешивай! – крикнул он, кидая весовщику свой мешочек с золотом, и тот пересыпал в него на четыреста долларов песку из мешочков Гендерсона и Луи-

француза.

– Идите все сюда! – обернулся Харниш к гостям. – Заказывайте выпивку! Платит победитель!

– Сегодня мой день! – кричал он десять минут спустя. – Я одинокий волк, волк-бродяга, и я пережил тридцать зим. Сегодня мне стукнуло тридцать лет, – сегодня мой праздник, и я любого положу на лопатки. А ну, подходите! Всех окуну в снег. Подходите, желторотые чечако[1 - Новички.], и вы, бывалые старики, – все получите крещение!

Гости гурьбой повалили на улицу. В Тиволи остались только официанты и пьяные, во все горло распевавшие песни. У Макдональда, видимо, мелькнула смутная мысль, что не мешало бы поддержать свое достоинство, – он подошел к Харнишу и протянул ему руку.

– Что-о? Ты первый? – засмеялся тот и схватил кабатчика за руку, словно здороваясь с ним.

– Нет, нет, – поспешил заверить Макдональд, – я просто хочу поздравить тебя с днем рождения. Конечно, ты можешь повалить меня в снег. Что я такое для человека, который поднимает девятьсот фунтов!

Макдональд весил сто восемьдесят фунтов, и Харниш только держал его за руку, но достаточно было одного внезапного рывка, чтобы он потерял равновесие и ткнулся носом в снег. В несколько мгновений Харниш одного за другим повалил с десятков мужчин, стоявших подле него. Всякое сопротивление было бесполезно. Он швырял их направо и налево, они кубарем летели в глубокий мягкий снег и оставались лежать в самых нелепых позах. Звезды едва мерцали, и вскоре Харнишу трудно стало разбираться, кто уже побывал в его руках, а кто нет, и, раньше чем хвататься за очередную жертву, он ощупывал ей плечи и спину, проверяя, запорошены ли они снегом.

– Крещеный или некрещеный? – спрашивал он каждого, протягивая свои грозные руки.

Одни лежали распостертые в снегу, другие, поднявшись на колени, с шутовской торжественностью посыпали себе голову снегом, заявляя, что обряд

крещения совершен. Но пятеро еще стояли на ногах; это были люди, прорубавшие себе путь в дремучих лесах Запада, готовые потягаться с любым противником даже в день его рождения.

Эти люди прошли самую суровую школу кулачных расправ в бесчисленных ожесточенных стычках, знали цену крови и поту, лишениям и опасностям; и все же им не хватало одного свойства, которым природа щедро наделила Харниша: идеально налаженной связи между нервными центрами и мускулатурой. Ни особой премудрости, ни заслуги его тут не было. Таким он родился. Нервы Харниша быстрее посылали приказы, чем нервы его противников. Мысль, диктовавшая действия, работала быстрее, сами мышцы с молниеносной быстротой повиновались его воле. Таков он был от природы. Мускулы его действовали, как сильно взрывчатые вещества. Рычаги его тела работали безотказно, точно стальные створки капкана. И вдобавок ко всему он обладал сверхсилой, какая выпадает на долю одного смертного из миллиона, – той силой, которая исчисляется не объемом ее, а качеством и зависит от органического превосходства самого строения мышц. Так стремительны были его атаки, что, прежде чем противник мог опомниться и дать отпор, атака уже достигала цели. Но застать его самого врасплох никому не удавалось, и он всегда успевал отразить нападение или нанести сокрушительный контрудар.

– Зря вы тут стоите, – обратился Харниш к своим противникам. – Лучше ложитесь сразу в снег – и дело с концом. Вы могли бы одолеть меня в любой другой день, но только не нынче. Я же вам сказал: нынче мой день рождения, и потому лучше со мной не связывайтесь. Это Пат Хэнрехен так смотрит на меня, будто ему не терпится получить крещение? Ну, выходи, Пат.

Пат Хэнрехен, бывший боксер, состязавшийся без перчаток, известный драчун и задира, вышел вперед. Противники схватились, и прежде чем ирландец успел шевельнуться, он очутился в тисках могучего полунельсона и полетел головой вперед в сугроб. Джо Хайнс, бывший лесоруб, так грузно рухнул наземь, словно свалился с крыши двухэтажного дома; Харниш, повернувшись спиной к Джо, искусным приемом бросил его через бедро раньше, чем тот успел занять позицию, – по крайней мере так уверял Джо Хайнс.

Все это Харниш проделывал, не испытывая ни малейшей усталости. Он не изматывал себя долгим напряжением. Все происходило с быстротой молнии. Огромный запас сил, таившийся в его мощном теле, взрывался мгновенно и внезапно, а в следующую секунду его мышцы уже отдыхали. Док Уотсон,

седобородый богатырь с никому не ведомым прошлым, выходявший победителем из любой драки, свалился в снег от первого толчка: не успел он подобраться, готовясь к прыжку, как Харниш обрушился на него так стремительно, что Уотсон упал навзничь. Тогда Олаф Гендерсон, в свою очередь, попытался застать Харниша врасплох и кинулся на него сбоку, пока тот стоял наклонившись, протягивая Уотсону руку, чтобы помочь ему подняться. Но Харниш, тотчас согнув колени, упал на руки, и Олаф, налетев на него, перекувырнулся и грохнулся оземь. Не дав ему опомниться, Харниш подскочил к нему, перевернул его на спину и стал усердно натирать ему снегом лицо и уши, засовывая снег пригоршнями за воротник.

– Силой я бы еще с тобой потягался, – пробормотал Олаф, вставая и отряхиваясь. – Но, черт тебя побери, такой хватки я еще не видел.

Последним из соперников был Луи-француз; наглядевшись на подвиги Харниша, он решил действовать осмотрительно. С минуту он примерялся и увертывался и только после этого схватился с ним; прошла еще минута, но ни один из противников не сумел добиться преимущества. И вот, когда зрители уже приготовились полюбоваться интересной борьбой, Харниш сделал едва приметное движение, привел в действие все рычаги и пружины своего тела и обрушил на противника свою богатырскую силу. Луи держался до тех пор, пока не захрустели суставы его могучего костяка, но все же, хоть и медленно, Харниш пригнул его к земле и положил на обе лопатки.

– Победитель платит! – закричал он, вскочив на ноги и первым врываясь в салун. – Вали, ребята, вали за мной!

Все выстроились в три ряда у длинной стойки, стряхивая иней с мокасин, – на дворе стоял шестидесятиградусный мороз[2 - По Фаренгейту.]. Беттлз, один из самых отчаянных и бесшабашных старожиллов Юкона, и тот перестал горланить песню про «целебный напиток» и, спотыкаясь, протиснулся к стойке, чтобы поздравить Харниша. Мало того – его вдруг обуяло желание сказать тост, и он заговорил громогласно и торжественно, как заправский оратор:

– Вот что я вам скажу: Время-не-ждет – мой закадычный друг, и я горжусь этим. Не раз мы с ним бывали на тропе, и я могу поручиться, что весь он, от мокасин до макушки, – червонное золото высшей пробы, черт бы побрал его паршивую шкуру! Пришел он в эту страну мальчишкой, на восемнадцатом году. В такие годы все вы были просто молокососами. Но только не он. Он сразу родился

взрослым мужчиной. А в те времена, скажу я вам, мужчине нужно было постоять за себя. Тогда мы не знали такого баловства, какое сейчас завелось. – Беттлз прервал свою речь, чтобы по-медвежьи облапить Харниша за шею. – В доброе старое время, когда мы с ним пришли на Юкон, никто не выдавал нам похлебку и нигде нас не потчевали даром. Мы жгли костры там, где случалось подстрелить дичь, а по большей части кормили нас лососевые следы и заячьи хвосты.

Услышав дружный взрыв хохота, Беттлз понял, что оговорился, и, выпустив из своих объятий Харниша, устремил свирепый взор на толпу.

– Смейтесь, козлы безрогие, смейтесь! А я вам прямо в глаза скажу, что самые лучшие из вас недостойны завязать ремни его мокасин. Прав я или нет, Кэмбл? Прав я или нет, Мак? Время-не-ждет из старой гвардии, настоящий бывалый юконец. А в ту пору не было ни пароходов, ни факторий, и мы, грешные, надеялись только на лососевые хвосты и заячьи следы.

Оратор торжествующе посмотрел на своих слушателей, а те наградили его аплодисментами и стали требовать, чтобы Харниш тоже произнес речь. Харниш кивнул в знак согласия. Притащили стул и помогли ему вскарабкаться на него. Он был так же пьян, как и все в этой толпе – необузданной толпе в дикарском одеянии: на ногах – мокасины или моржовые эскимосские сапоги, на шее болтались рукавицы, а наушники торчали торчком, отчего меховые шапки напоминали крылатые шлемы норманнов. Черные глаза Харниша сверкали от выпитого вина, смуглые щеки потемнели. Его приветствовали восторженными криками и шумными изъявлениями чувств. Харниш был тронут почти до слез, невзирая на то, что многие его поклонники еле ворочали языком. Но так вели себя люди спокон веков – пировали, дрались, дурачились, – будь то в темной первобытной пещере, вокруг костра скваттеров, во дворцах императорского Рима, в горных твердынях баронов-разбойников, в современных многоэтажных отелях или в кабачках портовых кварталов. Таковы были и эти люди – строители империи в полярной ночи: хвастливые, хмельные, горластые, они спешили урвать несколько часов буйного веселья, чтобы хоть отчасти вознаградить себя за непрерывный героический труд. То были герои новой эпохи, и они ничем не отличались от героев минувших времен.

– По правде говоря, ребята, я понятия не имею, что бы вам такое сказать, – начал Харниш несколько смущенно, стараясь собраться с мыслями. – Вот что: я, пожалуй, расскажу вам одну историю. Когда-то у меня был товарищ в городе

Джуно. Он приехал из Северной Каролины. От него-то я и слышал эту историю. На его родине, в горах, справляли свадьбу. Собрались, как водится, все родные и знакомые. Священник уже кончал обряд венчания и вдруг и говорит:

– Стало быть, кого Бог сосчитал, того человек да не разлучает.

– Ваше преподобие, – заявляет новобрачный, – вы не больно грамотно выражаетесь. А я желаю обвенчаться по всем правилам.

Когда дым рассеялся, невеста поглядела кругом и видит: лежит священник, лежит жених, брат, двое дядьев и пятеро свадебных гостей – все покойнички. Невеста этак тяжело вздохнула и говорит:

– А все эти новомодные многозарядные пистолеты. Здорово они мне подгадили.

– То же могу сказать и я, – продолжал Харниш, когда утих оглушительный хохот, – здорово подгадили мне четыре короля Джека Кернса. Я остался на мели и отправляюсь в Дайю...

– Бежишь? – крикнул кто-то из толпы.

Лицо Харниша на мгновение исказилось гневом, но тотчас же опять повеселело.

– Я так понимаю, что это просто шутка, – ответил он, широко улыбаясь. – Вы все хорошо знаете, что никуда я не убегу.

– А ну, побожись! – крикнул тот же голос.

– Пожалуйста. Я пришел сюда через Чилкутский перевал в восемьдесят третьем. Осенью я вернулся тем же путем. Ветер выл, пурга, а у меня только и было, что рваная рубаха да с чашку непросеянной муки. Зиму я проработал в Джуно, снарядился, а весной опять перевалил через Чилкут. И опять голод выгнал меня. Но когда наступила весна, я опять пришел сюда и порешил, что не уйду, пока не разбогатею. Так вот, я еще не разбогател, значит, и не уйду отсюда. Я поеду за почтой – и сейчас же обратно. Даже не переночую в Дайе. Как только получу продовольствие и почту, сменю собак – и марш на перевал. И клянусь вам вратами ада и головой Иоанна Крестителя, ни за что я не уйду отсюда, пока не

найду богатство, настоящее богатство!

– А сколько это, к примеру, настоящее богатство? – спросил Беттлз, нежно обнимая колени Харниша.

– Да, да, скажи, сколько? – слышалось со всех сторон.

Харниш крепче уперся ногами в сиденье стула и задумался.

– Четыре или пять миллионов, – медленно проговорил он; в ответ раздался громкий хохот, насмешливые возгласы. Харниш поднял руку: – Ну, ладно, не стану зарываться. Пусть будет для начала миллион. Но уж ни унцией меньше. Без этого я не уйду отсюда.

Снова со всех сторон посыпались насмешки. Не только все золото, добытое на Юконе, не стоило пяти миллионов, но еще не было случая, чтобы кто-нибудь нашел золота не то что на миллион, а хотя бы на сто тысяч долларов.

– Слушайте, что я вам скажу. Вы видели сейчас, как повезло Джеку Кернсу. А ведь до прикупа у него была слабая карта. Всего-то три паршивых короля. Но он чуял, что придет четвертый, непременно придет, – и пришел. Так вот и я чую: скоро, очень скоро на Юконе начнутся большие дела. Не какие-нибудь пустячки вроде Лосиной реки или Березового ручья. Уж на этот раз счастье привалит по-настоящему! Помяните мое слово – долго его ждать не придется. Ничто его не остановит, пожалуй прямо вверх по течению. Если пойдете по следам моих мокасин, там вы меня и найдете – где-нибудь на Индейской реке, или на Стюарте, или на Клондайке. Как привезу почту, сразу пущусь туда, да так, что не догоните, только снег столбом взвевается. Будет там золото прямо под ногами. С каждой промывки будем снимать на сто долларов. А народу набегит до пятидесяти тысяч. Такой содом подымется – только держись!

Харниш поднес стакан ко рту.

– За ваше здоровье, ребята, и надеюсь всех вас увидеть там.

Он выпил вино и, соскочив со стула, снова очутился в медвежьих объятиях Беттлза.

– На твоём месте, Время-не-ждет, я бы нынче не пускался в путь, – сказал Джо Хайнс, выходящий на двор взглянуть на термометр. – Мороз крепчает. Уже шестьдесят два градуса, и, наверно, еще упадет. Лучше подожди, пока мороз отпустит.

Харниш засмеялся; засмеялись и старики, стоявшие подле него.

– Вот я и говорю – молокососы! – закричал Беттлз. – Чуть подморозит, уже пугаются. Плохо же ты его знаешь! Неужто он побоится мороза?

– Так можно и легкие застудить, – возразил Хайнс.

– Чепуха! Ты, Хайнс, всего только три года здесь, еще не обжился. Я видел, как Время-не-ждет прошел пятьдесят миль по Койокуку за один день, а градусник показывал семьдесят два.

Хайнс неодобрительно покачал головой.

– Вот так и отмораживают легкие, – сказал он. – Надо подождать, когда потеплеет. Иначе не доберешься ему до места. Он же едет без палатки, даже без полога.

Беттлз влез на стул; ноги плохо держали его, и, чтобы не упасть, он обнял Харниша за шею.

– До Дайи тысяча миль, – сказал он. – И почти весь путь – неезженная тропа. Но я побьюсь об заклад на что угодно с любым чечако, что Время-не-ждет за тридцать дней доберется до Дайи.

– Это выходит в среднем по тридцать три мили в день, – предостерег доктор Уотсон. – Я знаю, что это такое. Случись пурга у Чилкута – застрянешь на неделю.

– Так вот, – продолжал Беттлз. – Время-не-ждет сразу повернет обратно и опять проделает тысячу миль в тридцать дней. Ставлю на него пятьсот долларов, и наплевать на пургу!

В подкрепление своих слов он выхватил из-за пояса мешочек с золотом величиной с колбасный круг и швырнул его на стойку. Док Уотсон последовал примеру Беттлза.

– Стойте! – крикнул Харниш. – Беттлз прав, я тоже хочу поддержать его. Ставлю пятьсот долларов, что ровно через шестьдесят дней я подкачу с почтой к дверям Тиволи.

Толпа недоверчиво загудела, и с десятков мужчин взялись за свое золото. Джек Кернс протиснулся поближе к Харнишу.

– Спорим, Время-не-ждет! – крикнул он. – Ставлю два против одного, что ты и в семьдесят пять дней не обернешься.

– Пожалуйста, без подачек, – отрезал Харниш. – Условия одни для всех. Сказано – шестьдесят дней.

– Семьдесят пять, – настаивал Кернс. – Держу два против одного. У Пятидесятой Мили река уже вскрыется, припай будет ненадежен.

– Деньги, что я тебе проиграл, твои, – возразил Харниш. – И не думай отдавать их мне обратно таким манером. Не стану я спорить с тобой и денег твоих не возьму. Но вот что я тебе скажу, Джек: сегодня счастье тебе улыбнулось; ну, а скоро оно улыбнется мне, и я отыграюсь. Вот погоди, когда начнется горячка. Тогда-то у нас с тобой пойдет игра крупная, под стать настоящим мужчинам. Согласен?

Они пожали друг другу руки.

– Он наверняка обернется в срок, – шепнул Кернс на ухо Беттлзу. – Ставлю пятьсот долларов, что Время-не-ждет будет здесь через шестьдесят дней, – прибавил он громко.

Билли Роулинс ответил на пари, и Беттлз в полном восторге бросился обнимать Кернса.

– Черт возьми, и я хочу поспорить, – сказал Олаф Гендерсон, оттаскивая Харниша от Беттлза и Кернса.

– Платит победитель! – закричал Харниш, отвечая на пари Олафу. – А так как я непременно выиграю и раньше чем через шестьдесят дней мне пить не придется, то я плачу сейчас. Ну, валяйте, кому что? Заказывайте!

Беттлз, зажав в руке стакан с виски, опять взгромоздился на стул и, пошатываясь, затянул единственную песню, которую знал:

Генри Бичер совместно

С учителем школы воскресной

Дуют целебный напиток,

Пьют из бутылки простой;

Но можно, друзья, поклясться:

Нас провести не удастся,

Ибо в бутылке этой

Отнюдь не невинный настой!

Толпа подхватила припев:

Но можно, друзья, поклясться:

Нас провести не удастся,

Ибо в бутылке этой

Отнюдь не невинный настой!

Кто-то отворил входную дверь. Тусклый предутренний свет проник в комнату.

– Время не ждет, время не ждет, – раздался предостерегающий голос.

Элам Харниш сорвался с места и кинулся к двери, на ходу опуская наушники меховой шапки. За дверью стоял индеец Кама с нартами; нарты были узкие и длинные – шестнадцать дюймов в ширину, семь с половиной футов в длину; дно, сколоченное из планок, было поднято на шесть дюймов над обитыми железом полозьями. На нартах, привязанные ремнями из лосиной кожи, лежали холщовые тюки с почтой, продовольствие и снаряжение для погонщиков и собак. Впереди нарт, вытянувшись в один ряд, лежали, свернувшись, пять лаек с заиндепевшей шерстью – все как на подбор, очень крупные, серой масти. Внешним видом – от свирепой морды до пушистого хвоста – они ничем не отличались от волков. Да они и были волки – ручные, правда, но все же волки по виду и повадкам. Две пары охотничьих лыж были засунуты под ремни на самом верху нарт.

Беттлз показал на один тюк, из которого выглядывал угол заячьей полости.

– Это его постель, – сказал он. – Шесть фунтов заячьих шкурок. Никогда ничем теплее не укрывается. Провалиться мне на этом месте, я бы замерз под таким одеялом, хоть и не считаю себя неженкой. Но Время-не-ждет такой горячий, прямо геенна огненная!

– Не завидую этому индейцу, – заметил доктор Уотсон.

– Он загонит его насмерть, будьте покойны, – радостно подтвердил Беттлз. – Я-то знаю. Я бывал с ним на тропе. Никогда-то он не устает. Он даже и не понимает, что такое усталость. Он может проходить целый день в мокрых носках при сорока пяти градусах мороза. Кому еще это под силу, кроме него?

Элам Харниш между тем прощался с обступившими его друзьями. Мадонна непременно хотела поцеловать его, и хоть винные пары туманили ему мозг, он все же сумел избежать опасности, – правда, он поцеловал Мадонну, но тут же расцеловался с тремя остальными женщинами. Потом он натянул длинные рукавицы, поднял собак и взялся за поворотный шест.

– Марш, красавцы мои! – крикнул он.

Собаки с веселым визгом мгновенно налегли на построжки, низко пригнувшись к земле и быстро перебирая лапами. Не прошло и двух секунд, как и Харнишу и Каме пришлось пуститься бегом, чтобы не отстать. И так, бегом, люди и собаки перемахнули через берег, спустились на скованное льдом русло Юкона и

скрылись из глаз в сером сумраке.

Глава четвертая

По Юкону вела утоптанная тропа, прокладывать путь в снегу не нужно было, и собаки шли со скоростью шести миль в час. Харниш и Кама, не отставая, бежали наравне с собаками. Они сменяли друг друга, по очереди берясь за шест, потому что это была самая трудная часть работы – мчаться впереди быстро несущихся нарт и направлять их. Тот, кто, сменившись, бежал за нартами, иногда вскакивал на них, чтобы немного передохнуть.

Это была нелегкая работа, но зато веселая.

Они мчались по утопанному снегу с предельной скоростью, пользуясь, пока возможно, наезженной дорогой. Они знали, что ждет их впереди: когда начнется сплошной снег, три мили в час и то будет хорошо. Тогда уж не ляжешь отдыхать на нарты, но и бежать нельзя будет. И управлять шестом легко – все равно что отдых; зато трудно придется тому, кто будет шагать впереди на коротких широких лыжах и прокладывать собакам путь по нетронутому снегу. Эта работа тяжелая, и ничего веселого в ней нет. А еще их ждут такие места, где нужно переваливать через торосы и, в лучшем случае, можно делать две мили в час. Не миновать и очень каверзных перегонов, правда, коротких, но там и миля в час потребует нечеловеческих усилий.

Кама и Харниш молчали. Напряженный труд не располагал к разговорам, да они и вообще не любили болтать на тропе. Изредка они обменивались односложными замечаниями, причем Кама обычно довольствовался ворчанием. Иногда собака взвизгнет или зарычит, но по большей части нарты двигались в полном безмолвии. Слышался только громкий лязг железных полозьев, скользивших по насту, да скрип деревянных саней.

Без всякого промежутка – точно сквозь стену прошел – Харниш перенесся из шумного, разгульного Тиволи в другой мир – мир безмолвия и покоя. Все замерло кругом. Река Юкон спала под трехфутовым ледяным покровом. Воздух был недвижим. Справа и слева на лесистых берегах, словно окаменевшие, стояли высокие ели, и снег, плотным слоем покрывавший ветви, не осыпался. В этой

торжественной тишине единственной живой движущейся точкой были нарты, и резкий визг полозьев еще сильнее подчеркивал царившее кругом безмолвие.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Новички.

2

По Фаренгейту.

Купить: <https://telnovel.com/dzhek-london/vremya-ne-zhdet>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)